

ТРИ КУЛЬТУРНЫХ «ОБРАЗА» ОДНОЙ ТЕМЫ: ПЕТРАРКА И НЕМЕЦКИЕ ИНТЕРПРЕТАТОРЫ XVI ВЕКА

Нина Девятайкина

Три культурных «образы» однієї теми: Петрарка й німецькі інтерпретатори XVI ст.

500-річчя з часу початку німецької Реформації підсилює актуальність теми статті. Вчені все більш аргументовано показують, що початок XVI ст. став часом не тільки величезної соціальної напруги, але й інтенсивної культурної діяльності. У статті на прикладі діалогу італійського гуманіста Петрарки «Про втрату майна», епіграфів 1530-х рр. німецького священика Пінітіана і ксилографії 1520 р. Майстра Петрарки автор виявляє, як взаємодіють між собою три «тексти».

Автор доходить висновку, що діалог яскравий, написаний у жанрі світських міркувань, багато в чому спирається на посили стоїків, що не менше – на досвід століття, завершується оптимістично. З усієї цієї палітри священик і протестант Пінітіан вибирає тему збитків, акцентуючи її. У загальній дидактиці він близький до Петрарки, але абсолютно виключає з епіграфів античні приклади і тему фортуни. Він міркує в інших культурних параметрах. Майстер Петрарки реалістично вирішує художнє завдання через розкриття конкретної теми: аварії корабля. Три учасники схожим чином трактують виклики долі, протиставляючи їм чесноти, християнські або стоїчні, гідну чоловічу поведінку і опір обставинам. Вони, хоч і не в рамках однієї картини світу, заявляють, що головні цінності людини не зменшуються зі втратою майна.

Ключові слова: Петрарка, Майстер Петрарки, Пінітіан, Реформація, Ренесанс, фортуна, багатство, бідність.

Ренессанс и реформация не выходят из поля внимания общества, ученых, культурных и религиозных деятелей. В виду 500-летия со времени начала немецкой реформации на первый план ныне выходит именно она. Все более глубоко проясняется, что начало XVI в. стало временем не только огромного социального напряжения, но и интенсивной культурной деятельности. Один из многих ее фактов и будет в центре внимания статьи. Он связан с переводом на немецкий язык 254 диалогов трактата итальянского поэта гуманиста Петрарки (1304-1374), созданием к ним 261 ксилографии-иллюстрации Мастером Петрарки и эпитафий священником и поэтом Пинитианом (1478-1542), аугсбургским грамматиком. Эта культурная история имела место в 1520-1530-х гг., т.е. в самый разгар реформационных событий. О Петрарке и его диалогах написано немало, а о немецких «участниках» - совсем немного. О Мастере Петрарки наиболее интересны статьи начала и середины прошлого века - Е. Бюхнера

(1924), В. Шедига (1955), а также недавнее исследование К. Эненкель (2006) [1,3,7]. О Пинитиане специальная справочная статья появилась только в 2013 г. [8].

Системный анализ произведений названных авторов, сошедшихся под одной обложкой, в их совокупности – дело будущего. В статье на примере одного «рядового» диалога предпринята попытка сделать некоторые шаги в сторону выявления того, как взаимодействуют между собой три «текста»: латинский диалог времени раннего Возрождения, ксилография к нему начала 1520-х гг. и эпитафия на латинском и немецком языках начала 1530-х гг.

Диалог Петрарки, который будет в центре внимания, называется «О потере имущества» [6]. Он один из самых больших в трактате. Кажется, что автор имел мысль рассмотреть основные жизненные ситуации, связанные с потерей имущества, основательно обсудить проблему бедности, фортуны и ее «оппонента» – добродетели. Беседу ведут два аллегорических персонажа – Печаль и Разум. Первая треть диалога (шесть реплик Печали) связывает тему потери имущества с фортуной. Нет необходимости напоминать, что тема фортуны – одна из главных в ренессансной этике, что по ее поводу писали и рассуждали практически все поколения гуманистов, что, наконец, Петрарка первым посвятил ей целый обширный трактат, диалог из которого в статье и анализируется (в сочинении можно найти сотни высказываний и суждений о судьбе). Осмысление концепции фортуны у гуманистов, в том числе – у Петрарки, по-прежнему продолжается в литературе [4]. Но проблема бедности, социальная тематика и их визуальное воплощение почти не изучено, хотя отдельные наблюдения по отношению к творчеству Мастера Петрарки сделаны, в том числе – автором данной статьи [2].

В интересующем нас диалоге судьба или фортуна называется «беспощадной», «ненасытной», «жестокой», она «отнимает все имущество», даже то, что «необходимо для жизни», «оставляет голым и бедным»¹. Ясно, что здесь под фортуной разумеются обстоятельства человеческой жизни, и они напоминают читателю XIV в. о неустойчивости процветания или достатка. Неустойчивость разрастается до масштаба одного из главных знаков времени.

Нам, конечно, интересен характер высказываний Разума. В его уста автор не вкладывает прямого осуждения фортуны, просто констатирует факт, что она может дать, а может и забрать то, что «пожаловала» прежде. Более того, Разум словно и не допускает крайнего случая, какого-то полного обнищания из-за поворотов судьбы. Он уверен, что фортуна не может «отнять необходимого». Объяснение стоическое: «потому что нет ничего необходимого настолько, чтобы без него нельзя было хорошо жить». Но речь идет не об аскетическом францисканском отказе от всего, а о добродетели как условии хорошей жизни. Для самой же добродетели, по словам Разума, «хватит умеренного достатка».

В диалоге «О потере имущества» целый ряд высказываний Разума связан с добродетелью. Разум описывает ее в антропоморфных, одушевленных характеристиках: она – щедрее фортуны, «не отказывает, не торопится, не удерживает руку, не морщит лба, не хмурит брови, ни на что не смотрит с презрением, не злится, не гневается, никого не оставляет, никого не обманывает, всегда и везде неизменна и чем большее ее узнаешь, тем изо дня в

¹ Большие фрагменты диалога цитируются в переводе Л.М. Лукьяновой.

день сладостнее она становится, и чем ближе ты ее видишь, тем прекрасней кажется» [6, р. 594].

Описание не оставляет сомнений у читателя, что добродетель есть неизменное, надежное, постоянное и самое важное для личности качество, при этом целиком зависящее только от человека. Мы встречаем афористические формулы: «Не с помощью богатств обретаются добродетели, но с помощью добродетели приобретаются богатства» [6, р.594]. Такие утверждения четко обнаруживают иерархию ценностей в глазах Петрарки. Обратим внимание: богатство не отвергается, оно только перемещается на другое место.

Петрарке всегда нужен под конец рассуждения хороший и убедительный пример. На этот раз он находит его в лице философа из Кирены, ученика Сократа, по имени Аристипп (V в. до н.э.), кстати, исследовавшего вопрос о высшем благе и назначении человека. С этим Аристиппом, плывшим по морю со спутниками, судьба повела себя очень жестоко: из-за бури он был выброшен на берег «нагим и лишенным всего». И, прежде всего, Петрарку восхищает, что потерпевший не потерял присутствия духа, начал осматриваться на пустынном и, казалось бы, диком берегу с любопытством. И вскоре увидел на песке какие-то геометрические фигуры. Понял, что место обитаемо и вполне цивилизованно, довел товарищей по несчастью до города, а там удивил всех познаниями, и был щедро вознагражден. Похоже, ему понравилось новое место, потому что он не отбыл вместе с остальными на родину, а лишь попросил передать своим сыновьям важное напутствие: «пусть приобретают такие богатства, которые не могут погибнуть при кораблекрушении, которых не в силах отнять ни морская буря, ни городская смута, ни военная гроза» [6, р.594]. Ясно, что он имел в виду знания и добродетель.

Вернемся к теме бедности. Печаль (этот персонаж олицетворяет представителя мужской части общества) целых одиннадцать реплик бросает по поводу того, что «беден и имуществом, и духом», потерял имущество, что у него «отняли и дом, и семью, и все необходимое». Последние две фразы особенно пессимистичны: «Я всегда беден»; «Я более чем беден при жизни». Жалобы делают для нас яснее обстоятельства повседневной жизни тогдашнего города (а по контексту речь идет именно о горожанах), где есть место и большому богатству, и столь же большой бедности, где фактом жизни остается *произвол*, в результате которого человек может лишиться не только имущества, но даже семьи. Похоже, речь идет о конфискациях, вроде той, что пережила во Флоренции семья Данте и самого Петрарки, или о бедах, выпавших на долю друга и покровителя Петрарки синьора Аццо Корреджо, которому посвящен трактат.

Но Петрарке ведомы социальные и имущественные контрасты и вне особых случаев. Он пытается, со своей стороны, помочь тем, кто оказался в бедственных обстоятельствах. Помочь советом, даже внушением, убедить, что жизненные ориентиры могут быть пересмотрены, и все окажется не безнадежным. Позиция гуманиста здесь схожа со стоической. Он заявляет, что бедность делает человека свободным, в том смысле, что освобождает от обременительных забот. Сами заботы, которые он перечисляет, показывают, что он видит в качестве читателя и адресата все-таки не человека из самых низов. Так, он заявляет, что бедность освобождает от налетов воров, от наглости целой толпы слуг, от друзей только по имени, которые вьются вокруг богатых с ожиданием даров. Иными словами, под бедняком разумеется, прежде всего, человек, который вынужден жить много скромнее, чем прежде, когда его дела процветали и фортуна ему улыбалась.

Об этом же говорят любимые примеры, часть которых кочует из диалога в диалог. В ответ на реплику Печали, что он беден и «проводит жизнь в трудах», Разум вспоминает

Клеанфа, из-за бедности по ночам подрабатывавшего поливкой огородов, чтобы иметь деньги на обучение у философа-стоика Зенона. Вторым примером становится Плавт, римский комедиограф, который зарабатывал на жизнь, служа у мельника. Затем выстраивается еще ряд примеров: Лактанций, Флакк, Пакувий, Стаций и сам Вергилий. Все эти персоны – философы, поэты, христианские писатели первых веков н.э., люди интеллектуального, творческого труда. Они, конечно, могли вдохновить своим личным примером не только людей умственных занятий и собратьев по перу, но больше всего и, прежде всего, как кажется, именно их. Получается, что Петрарка «через себя» пропускает разные ситуации. Он словно бы имеет перед глазами людей, с которыми в чем-то схож сам.

Разговор столь важен Петрарке и круг читателей он надеется видеть столь значительным («подобных примеров множество среди людей любого положения»), что к привычным античным именам и аргументам добавляются христианские- отшельники, избравшие «не только бедность, но голод, жажду, наготу и всяческие лишения». Не обойден и самый высокий пример: «вспомни, сам Господь небесный здесь был бедным, дабы своим примером учить, что это тот путь бедности, который ведет к истинным богатствам» [6, р.602].

Потому, очевидно, заключительными в диалоге становятся слова: «Никто не прожил жизнь настолько бедно, чтобы, умирая, не хотел бы прожить беднее» [6, р.604]. Этим напоминает, что в душе каждого человека в момент ухода из жизни пробуждается сожаление, что истекает время, отпущенное судьбой, Богом, и отдать бы все, что есть, только бы продлить свое бытие, а в иную жизнь явиться не обремененным земными вещами.

Петрарка, вместе с тем, не завершает диалог признанием факта бедности и призывом примириться с ней. Эпоха делает нашего автора более оптимистичным, и он делится своим оптимизмом с читателем. «Судьба человека не остается неизменной, и часто случается как переход от самых больших богатств к крайней бедности, так и от последней степени бедности – к самым большим богатствам» [6, р.602]. Обратим внимание на слова «часто случается»: они не только о прошлом, но и о настоящем. Хотя примеров из настоящего не приводится, вновь более показательными оказываются садовники, ставшие по мановению руки Александра Македонского царями, первые римские цари, начиная от Ромула, а за ними и цари Персии. Заключается ряд, конечно, знаменитыми из знаменитых римлян: напоминает, что Цезарь, «будущий властитель мира», в отрочестве был беден, а прославленный полководец Гай Марий провел первые годы жизни в деревне и был там наемным пахарем.

В заключение Разум обращается к Печали со словами: «А ты, имея перед глазами таких мужей, разве не можешь надеяться на богатства, разве должен презирать их?» [6, р.600]. Здесь показательна вторая часть вопроса: ведь презрение к богатству входило в состав добродетелей Христа, да и сам Разум до этого не очень настаивал на необходимости богатств. Он уточняет свою позицию: *презирать* их не надо. В этой заключении можно усмотреть полемику с авторами средневековых текстов на тему о презрении к миру, прежде всего- с папой Иннокентием III (1198-1215), против многих тезисов которого гуманист (не называя имени) высказывается в диалогах трактата.

Итак, текст диалога ярок, написан в жанре светских рассуждений, во многом опирается на послы стоиков, не меньше - на опыт века, завершается оптимистическим вопросом. Что же из всей этой палитры выбирает для эпиграфов в эпоху реформации грамматик, священник и протестант Пинитиан? Приведем сразу оба текста.

Латинский эпиграф

De damno

Fac repares studiis et cura reparabile damnum.

Si nequeas, cura sint tibi vera bona.

Если убыток случился, его возместить постарайся.

Ну, а восполнить нельзя – истину лучше ищи.

(пер. Л.М. Лукьяновой) [5, p.117].

Немецкий эпиграф

Wer schaden leidet an seinem gut

Der lug unnd hab einn starcken mut.

Ob das zergänglich gut hinfallt

Hab fleiß daß er das ewig bhalt.

Тот, кто страдает от убытка своему имуществу,

Смотри внимательно и будь силен духом.

Если бренное имущество исчезает,

Будь усерден, чтобы сохранить вечное.

(пер. А.А. Бочкарева) [5, p.117].

Нетрудно понять, что Пинитиан акцентирует тему именно убытков, убеждает читателя, что не стоит падать духом, а пытаться возместить их. В общей дидактике он близок к Петрарке, но совершенно исключает из нее адресации к античным примерам, фортуне, добродетели. Он рассуждает в других культурных параметрах. И не первый раз призывает к реформационным поискам истины веры в противовес истине церкви. Перед нами *другой* по культурным посылам текст.

Мастер Петрарки решает художественную задачу через раскрытие конкретной темы: крушения корабля [5, p.118]. (см. Приложение). Вначале можно подумать, что он подхватывает историю с Аристиппом и его спутниками. Но, напомним, Петрарка там описывает финал: голые и нагие, они на пустынном берегу. Мастера Петрарки волнует сама *момент* драмы: мощный, явно торговый корабль, изображение которого выказывает в художнике большого знатока судов того времени, столкнулся с какими-то неодолимыми опасностями. Похоже, что с грабителями. Весельная лодка стоит неподалеку. В ней только два человека. Возможно, остальные перебрались с воровскими целями на корабль. Тюки с товарами, сундуки с ними же, сброшенные с корабля, уже качаются в волнах. Один ящик вытаснен на сушу. Кто-то подтаскивает к борту новые товары и ящики, кто-то (хозяин?) бессильно взирает на происходящее. Тема у Мастера Петрарки связана с бедами купцов, предпринимателей, которых разоряли и бури, и разбойники, и военные отряды-шайки. В 1520-е гг. в Германии все эти бедствия могли заявить о себе разом. Социальная адресация Мастера Петрарки в этой ксилографии более конкретная, чем у его современника Пинитиана и у гуманиста Петрарки. Реализм художника, опыт ксилографа выдают в нем большого мастера, которого можно поставить рядом с Дюрером. Он прекрасно передает напряжение момента, глубину пространства, вторые и третьи планы, создает впечатляющее произведение. Нельзя не понимать, что книге такие иллюстрации обеспечивали стабильный рыночный успех.

Каждый из трех авторов говорит на своем собственном языке, но на «общечеловеческом» уровне текстов и смыслов они слышат и понимают друг друга. Они

схожим образом относятся к вызовам судьбы, противопоставляя им добродетель, христианскую или стоическую, мужское достойное поведение и сопротивление обстоятельствам. Они, пусть не в рамках одной картины мира, заявляют, что главные ценности человека не скудеют с утратой имущества.

Приложение. Мастер Петrarки. Ксилография к диалогу «О потере имущества»

Список джерел та літератури

1. Buchner E. Der Petrarcameister als Maler, Miniator und Zeichner // H. Schmidt (Hrsg.). Festschrift Heinrich Woelfflin. Beiträge zur Kunst- und Geistesgeschichte.– München, 1924.– S. 209-231.
2. Девятайкина Н.И. Социальный протест как тема немецких ксилографий 1520-х гг. («Мастер Петrarки») // История. Электронно-образовательный журнал.- М.: ИВИ РАН, 2014. №6, 29. <http://history.ies.su/issue.2014.4.11.6-29>
3. Enenkel K. Der Petrarca des ‚Petrarca-Meisters‘: zum Text-Bild-Verhältnis in illustrierten De remediis-Ausgaben // K. Enenkel (Hrsg.): Petrarch and His Readers in the Renaissance.– Leiden, 2006.– P.217-250.
4. Pacca V. Sulla concezione petrarchesca della fortuna // Intersezioni, 2003, XXIII, 1. P. 5–24.
5. Petrarca F. Trostspiegel in Glück und Unglück. –Frankfurt a. M., 1604.
6. Petrarque Fr. Les remedes aux deux fortune / Texte et trad. par Ch. Carraud.- Paris, 2002. Vol.1. P.592-604.
7. Schedig, W. Die Holzschnitte des Petrarca-Meisters zu Petrarcae WertAugsburg, 1532. - Berlin, 1955.
8. Worstbrock F.J. Pinicianus (Kening), Johannes // Deutscher Humanismus 1480-1520. – Berlin, 2013. Bd. 2.– S. 445-465.

References

1. BUCHNER, E. (1924) *Der Petrarcameister als Maler, Miniator und Zeichner*. In: H. Schmidt (Hrsg.). Festschrift Heinrich Woelfflin. Beiträge zur Kunst- und Geistesgeschichte.– München, s. 209-231.
2. DEVJATAJKINA, N.I. (2014) Social'nyj protest kak tema nemeckih ksilografij 1520-h gg. («Master Petrarki»). In: Istorija. Jelektronno-obrazovatel'nyj zhurnal.- M.: IVI RAN, №6, 29. <http://history.jes.su/issue.2014.4.11.6-29>
3. ENENKEL, K. (2006) Der Petrarca des ‚Petrarca-Meisters‘: zum Text-Bild-Verhältnis in illustrierten De remediis-Ausgaben. In: K. Enenkel (Hrsg.): Petrarch and His Readers in the Renaissance.– Leiden, s.217-250.
4. PACCA, V. (2003) Sulla concezione petrarchesca della fortuna. In: Intersezioni, XXIII, 1, p. 5–24.
5. PETRARCHA, F. (1604) Trostspiegel in Glück und Unglück. Frankfurt a. M.
6. PETRARQUE, Fr. (2002) Les remedes aux deux fortune / Texte et trad. par Ch. Carraud.- Paris, vol.1, p. 592-604.
7. SCHEDIG, W. (1955) Die Holzschnitte des Petrarca-Meisters zu Petrarcae WertAugsburg, Berlin, 1955.
8. WORSTBROCK F.J. (2013) Pinicianus (Kening), Johannes. In: Deutscher Humanismus 1480-1520. – Berlin, bd. 2, s. 445-465.

Three Cultural "Images" of One Theme: Petrarch and German Interpreters of the 16th century

The subject of the article obtains special significance today when we celebrate the five hundred anniversary of the German reformation. Recent research findings demonstrate that the beginning of the 16th century was the time not only of huge social tension, but also of intensive cultural activity. Primarily on the basis of Petrarch's dialogue "On the loss of property", the 1530s Pinitian's epigraphs as well as the 1520s Master of Petrarch's woodcut, the author reveals how the three «texts» interact with one another.

The author comes to a conclusion that the Petrarch's dialogue belongs to the genre of secular reflections. It has been based on both the Stoic philosophy and the contemporary experience. As the Protestant and the priest, Pinitian focuses on the subject of loss. In the field of general didactics, his views are close to the ones of Petrarch. However, Pinitian excludes Classical examples as well as a theme of fate from his writings. Master of Petrarch depicts the theme of loss in the scene of shipwreck. All the three authors show that a man should respond to destiny's challenge by adhering to the Stoic and Christian values. They declare that the person's values are not diminished by the loss of property.

Keywords: Petrarch, Master of Petrarch, Pinitian, reformation, Renaissance, fortune, wealth, poverty.